

СОЛОДУБ Ю. П.

К ВОПРОСУ О СОВПАДЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ

Факты совпадения фразеологических оборотов разных языков являются объектом сопоставительной фразеологии и исследуются обычно в четырех планах: сравнительном, сопоставительном, структурно-типологическом и ареальном [1, 2].

Аспект исследования определяется спецификой генетических и культурно-исторических связей сопоставляемых языков, а также формами совпадения самих фразеологических единиц (далее ФЕ).

Объектом нашего исследования являются ФЕ различных по своим генетическим и культурно-историческим связям языков, совпадающие как по своей семантике, так и по образной основе [ср. русск. *кровь с молоком*, польск. *krew z mlekiem* (букв. «*кровь с молоком*»), нем. (wie) *Milch und Blut* (букв. «как молоко и кровь»), норв. *melk og blod* (букв. «молоко и кровь»), итал. *latte e sangue* (букв. «молоко и кровь»)].

Называя ФЕ, тождественные или очень сходные как по своей семантике, так и по особенностям построения фразеологических образов, «идентичными фразеологизмами» (это понятие будет в дальнейшем подробно проанализировано нами), И. И. Чернышева высказывает предположение, что такие фразеологизмы могут существовать в самых различных, в том числе и разнотипных, языках: их типологическое сходство основано на общности логических и образно-ассоциативных процессов мышления разных народов [3].

Высказанное предположение нуждается в практической проверке — сопоставительном анализе ФЕ в разнотипных и различных по своим генетическим и культурно-историческим связям языков. Поскольку такой анализ предполагает исследование особенностей образной структуры разноязычных ФЕ, он прежде всего должен опираться на теоретические и методологические положения структурно-типологического аспекта сопоставительной фразеологии [2, с. 10].

Языком-эталоном [4] в нашем многоязычном сопоставительном структурно-типологическом исследовании является русский: ФЕ этого языка сопоставляются с ФЕ близкородственных (славянских), неблизкородственных (германских и романских), а также неродственных и в структурном отношении типологически далеких языков (венгерского, монгольского, индонезийского, вьетнамского¹, а также некоторых тюркских: казахского, узбекского, турецкого). Такой отбор языкового материала связан с поставленными нами задачами исследования: 1) проверить гипотезу о существовании в различных языках ФЕ, совпадающих по своему значению и образной основе, и уточнить содержание термина «идентичные фразеологизмы»; 2) проанализировать на материале тождественных по семантике и образности разноязычных ФЕ, как отражаются на их лексическом составе и грамматической организации некоторые особенности лексико-семантической и грамматической структуры того или иного языка (группы родственных языков), что позволит определить границы тождества разноязычных ФЕ.

В связи с тем, что содержание термина «фразеологизм» (синонимы: «фразеологический оборот», ФЕ) чрезвычайно неоднозначно трактуется

¹ По техническим причинам вьетнамские примеры даны без диакритических знаков

в современной теории фразеологии [5], мы отбираем для анализа только тот языковой материал, принадлежность которого к фразеологическому статусу признается лингвистами всех школ и направлений. В статье будут рассмотрены фразеологизмы типа идиом, т. е. устойчивые словесные комплексы, целостное значение которых не соответствует сумме значений входящих в их состав лексических компонентов, но может (факультативный признак) образно мотивироваться на основе этих значений. Для анализа по преимуществу структурно-типологического фактор «реально существующей образности» [6], безусловно, является релевантным. Для многоязычного сопоставления важен и тот факт, что ФЕ типа идиом обнаруживаются не только в языках, фразеологический состав которых уже достаточно подробно описан (языки европейского и среднеазиатского ареалов), но и в языках, фразеологические системы которых только начинают изучаться: вьетнамском [7], индонезийском [8], бини [Западная Африка], тамильском и таи [9]. Наличие ФЕ типа идиом в самых различных языках мира и создает возможность для использования в исследовании единой теории и единого понятийно-терминологического аппарата.

Обращаясь к рассмотрению поставленных проблем, отметим, что теория и практика исследований по сопоставительной фразеологии постоянно подтверждает мысль о «соизмеримости», сопоставимости фразеологических систем (или подсистем, микросистем, отдельных ФЕ) как в близкородственных [10—13], так и в неблизкородственных [2; 14, с. 262—265] и даже совершенно неродственных языках [15, 16].

Особенно глубоко в плане «соизмеримости» с фразеологией самых различных языков исследована фразеологическая система русского языка. Так, в советской фразеологии русская фразеология описана в сопоставлении с фразеологией таких неродственных языков народов СССР, как азербайджанский, киргизский, узбекский, чувашский (тюркская группа), коми, эстонский (финно-угорская группа) [17]. Фразеология русского языка как одного из мировых языков изучается в сопоставлении с фразеологией языков, генетически неродственных и в структурном отношении очень далеких [7, 8, 18].

«Соизмеримость», сопоставимость русской фразеологии с фразеологией различных языков доказывается наличием в их фразеологических системах «межъязыковых фразеологических эквивалентов» (МФЭ), т. е. «разноязычных ФЕ, совпадающих по своему образу, значению и стилистической окраске, соотносимых по компонентному составу (без обязательного однозначного соответствия единиц лексико-грамматического уровня) и структурно-грамматической организации» [19]. Некоторые примеры: «первый помощник» — русск. *правая рука*, индонез. *tangan kanan* (букв. «рука правая»); «целиком, полностью»: русск. *с головы до ног*, вьетнам. *từ đầu đến chân*.

В различного рода исследованиях МФЭ были выявлены при сопоставлении самых разных языков — «обострять ситуацию»: нем. *Öl auf das Feuer gießen* (букв. «лить масло на огонь»), франц. *mettre de l'huile sur le feu* («то же») [20]; «приходить в отчаяние, сильно досадовать, горевать»: русск. *рвать на себе волосы*, укр. *рвати на собі волосся*, англ. *to tear one's hair*, нем. *sich die Haare ausraufen*, франц. *s'arracher les cheveux* [21].

Типологически идентичными ФЕ разных языков следует, таким образом, считать прежде всего МФЭ, т. е. те ФЕ, тождество или близкое сходство семантики которых находит объяснение в общности логико-семантического изменения значений компонентов и в общности образно-ассоциативных связей, лежащих в основе этого семантического преобразования. Поскольку для МФЭ однозначное соответствие единиц лексического и/или грамматического уровня — фактор факультативный, можно говорить, очевидно, о нескольких типах их схождения: 1) МФЭ с полным однозначным соответствием единиц лексического и грамматического уровней (ср.: русск. *делать из мухи слона*, франц. *faire d'une mouche un éléphant*, узб. *пашшадан фил ясамон*); 2) МФЭ с отсутствием однозначного соответствия единиц лексического уровня [русск. *носить на руках* = венг. *a tenyerén hordozni* (букв. «носить на ладонях»)]; 3) МФЭ с

отсутствием однозначного соответствия единиц грамматического уровня [русск. *высасывать из пальца* = нем. *aus den Fingern saugen* (букв. «высасывать из пальцев»)].

Дав вполне определенную (хотя и несколько суженную) интерпретацию понятию «идентичные фразеологизмы», мы можем наметить и сам путь поиска типологически идентичных ФЕ разных языков — выявление МФЭ во фразеологических системах этих языков. Теоретически наличия идентичных ФЕ в разных языках мира отрицать нельзя, но при этом следует сразу сказать, что и строгой предопределенности их существования нет: логические и образно-ассоциативные процессы мышления различных народов в каких-то своих конкретных формах далеко не всегда совпадают [случаи межъязыковой фразеологической омонимии: русск. *из кожи вон лезть* «усердствовать, стараться»; нем. *aus der Haut fahren* (букв. «лезть из кожи») используется в значении «выходить из себя»].

Существованию МФЭ разных языков способствуют два основных фактора: 1) общность жизненного опыта и отражающих его процессов мышления, общность, однотипность отдельных форм образного видения мира у самых разных народов, в том числе и народов, не имеющих между собой никаких языковых контактов; 2) тесные культурно-исторические связи между отдельными народами, между целыми ареалами.

Под воздействием второго фактора могут значительно сближаться фразеологические системы неблизкородственных и даже генетически совершенно неродственных языков. Р. И. Попович отмечает, что во фразеологии русского и молдавского языков гораздо больше образно-семантических параллелей, чем во фразеологии молдавской и французской [22], Г. Ц. Пюрбеев пишет о сближении калмыцкой фразеологии с фразеологией русской, что является результатом тесных контактов народов — носителей этих двух генетически неродственных языков [13, с. 43, 44]; в этом же плане заслуживают внимания довольно многочисленные образно-семантические параллели немецкой и венгерской фразеологии, например, «замучить разговорами, заговорить до полусмерти»: нем. *(j-m) ein Loch in den Bauch reden* (букв. «проговорить дыру в животе»), венг. *(vkinek) luykat beszél a hasába* («то же»); «сделать или сказать именно то, что нужно»: нем. *den Nagel auf den Kopf treffen* (букв. «попасть в головку гвоздя»), венг. *fején találni a szegyet* («то же»).

Для типологических исследований в области фразеологии первый фактор, безусловно, более интересен: здесь «в чистом виде», без посредства заимствования, проявляется типологическая общность ФЕ разных языков. Какие же фразеологизмы одного конкретного языка (в нашем случае — русского) могут иметь МФЭ во фразеологических системах самых различных языков? Очевидно, чем общедоступнее, «общечеловечнее» образ, внутренняя форма ФЕ того или иного языка, тем больше вероятность наличия и в других языках, в других фразеологических системах его МФЭ. Так, МФЭ русских ФЕ *правая рука* «первый помощник», *как кошка с собакой* «в постоянных ссорах, раздорах», *кожа да кости* (позиционный вариант *кости да кожа*, количественный вариант — *одни кости*) «очень худой, истощенный» были обнаружены нами как во фразеологических системах близкородственных (украинский, белорусский, польский, чешский, болгарский) и неблизкородственных языков (французский, испанский, итальянский, румынский, молдавский, английский, немецкий, шведский, датский, норвежский), так и языков неродственных (венгерский, языки тюркской группы: казахский, узбекский, турецкий; а также в монгольском, вьетнамском и индонезийском языках).

ФЕ *правая рука* имеет МФЭ во всех указанных языках; МФЭ в основном характеризуется схождением первого типа. Однако следует отметить, что наиболее близкие формы схождения фразеологизмов обнаруживаются в тех языках, где: 1) имеется полный семантический эквивалент русской лексики *рука* «верхняя конечность человека от кисти до плеча»; 2) для атрибутивных словосочетаний структуры «прилагательное + существительное» характерна препозиция прилагательного.

Такие формы схождения встречаются как в близкородственных (славянских) языках: белорусск. *правая рука*, укр. *права рука*, болг. *дясна ръка*, польск. *prawa ręka*, чешск. *pravá ruka*, так и в языках неродственных, в структурном отношении очень далеких: венг. *a jobb kéz*, монг. *баруун гар*, казах. *оң қол*, узб. *ўнг қўл*.

В ряде языков верхняя конечность человека имеет два обозначения с дифференцированной по сравнению с русской лексемой «рука» семантикой [23]: «кисть» (ср. нем. *die Hand*, англ. *the hand*, франц. *la main*, турецк. *el* и т. д.) и «верхняя конечность от кисти до плеча» (ср.: нем. *der Arm*, англ. *the arm*, франц. *le bras*, турецк. *kol* и т. д.). В составе ФЕ таких языков субстантивный компонент представлен, как правило, одной из указанных выше лексем (без внутриязыкового варьирования): нем. *(j-s) rechte Hand* (букв. «правая рука», точнее, «кисть»), франц. *être le bras droit* (букв. «быть правой рукой», точнее, «быть верхней конечностью от кисти до плеча»). При этом наличие в составе ФЕ того или иного субстантивного компонента является обычно типологически общим для группы родственных языков: в германских языках в составе ФЕ имеется компонент с этимологической семантикой «кисть» [англ. *(to be) one's right hand*, нем. *j-s rechte Hand (sein)*, норв. *være ens høyre hand*, дат. *være ens højre hand*, швед. *vara ngs högra hand*], в романских языках преобладают ФЕ с компонентом «верхняя конечность от кисти до плеча» (франц. *être le bras droit de qn*, итал. *braccio destro di qd*, исп. *brazo derecho de qd*, но молд. *a fi myna дранта*, рум. *a fi mîna dreaptă*, вариант исп. ФЕ *mano derecha de qd*).

Поскольку, однако, русская лексема *рука* обладает недифференцированной по сравнению с лексемами германских, романских и турецкого языков семантикой («кисть» + «верхняя конечность от кисти до плеча»), в сопоставлениях типа русск. *правая рука*, нем. *(j-s) rechte Hand* и франц. *être le bras droit de qn* правомерно видеть полное соответствие ФЕ на лексическом уровне (немецкая же и французская ФЕ — пример схождения второго типа).

Хотя для одних языков (например, славянских) нормативными являются атрибутивные словосочетания с препозицией атрибута («прилагательное + существительное»), а для других (например, романских) — сочетания с постпозицией атрибута («существительное + прилагательное»), оба эти вида структур должны рассматриваться как однозначно сопоставимые. В таких случаях в сопоставлениях русск. *правая рука*, индонез. *tangan kanan* (букв. «рука правая»), вьетнам. *tay phai* (букв. «рука правая», причем *tay* — «часть руки от кисти до плеча») можно видеть полное соответствие на грамматическом уровне (схождение первого типа не нарушено).

О схождениях третьего типа следует говорить, сопоставляя русскую ФЕ с ФЕ некоторых романских и германских языков, поскольку в словарную форму ФЕ этих последних обычно включается глагол-связка «быть» и вся конструкция характеризуется, таким образом, как глагольная (в отличие от русск. именной конструкции *правая рука* франц. *être le bras droit de qn* означает букв. «быть рукой правой кого-нибудь»). ФЕ с глаголом-связкой характерны также для молдавского и румынского языков, для некоторых германских языков: швед. *vara ngs högra hand* (букв. «быть правой рукой кого-нибудь»), также для датского и норвежского языков; для ФЕ других языков такая конструкция нетипична [ср., однако, турецк. — *in sağ kolu olmak* (букв. «кого-нибудь правой рукой быть», *kol* — «верхняя конечность от кисти до плеча»)].

Итак, идентичные ФЕ со значением «основной, главный помощник» обнаруживают в формах своей лексико-грамматической реализации и различных языках значительное многообразие и разнообразие, отображающее специфику лексико-семантического и грамматического (морфологического и синтаксического) строя этих языков. Та же картина наблюдается при анализе ряда ФЕ с семантикой «очень худой, крайне истощенный» (в системе русской фразеологии ФЕ *кожа да кости*).

Русский фразеологизм имеет МФЭ во всех указанных выше языках.

Выявляя схождения первого типа, следует, однако, заметить, что чисто этимологически семантика компонента *кожа* («наружный покров тела человека, животного») уже семантики соответствующего компонента в ФЕ многих языков: укр. *шкіра*, болг. *кожа*, чешск. *kůže*, польск. *skóra*, англ. *skin*, швед. *skinn*, венг. *bőr*, монг. *арьс*, турецк. *deri* объединяют в своих значениях фактически семантику двух русских лексем: *кожа* и *шкура* («кожа с наружным волосным покровом на теле животного»). Схождения первого типа охватывают ФЕ славянских языков: русск. *кожа да кости*, белорусск. *кожа і кості*, укр. *шкіра та кості*, болг. *сама кожа и кокали*, польск. *skóra i kości*.

Типологический ряд может быть продолжен схождениями третьего типа, поскольку в составе ФЕ многих (родственных и неродственных) языков компонент, лексически соответствующий русскому *кости*, имеет грамматическую форму ед. ч.: чешск. *kost a kůže*, англ. *nothing but skin and bone* (букв. «ничего, кроме кожи да кости»), швед. *bara skinn och ben* (букв. «только кожа да кости»), венг. *csont és bőr* (букв. «кость и кожа»), турецк. *bir deri, bir kemik* (букв. «одна кожа, одна кость»). В ряде языков этот компонент имеет форму, не маркирующую категорию числа: нем. *nur Haut und Knochen* [букв. «только кожа и кость (кости)»], вьетнам. *ch'ô'ng boc da* [букв. «кость(и), покрытая (покрытые) кожей»]. ФЕ узбекского и казахского языков ближе к квантитативному варианту русского фразеологизма: узб. *қуруқ суяк* (букв. «сухая кость»), казах. *құр сүйек* (букв. «только кость»).

Грамматическая конструкция ФЕ в большинстве языков представляет собой социативную синтагму типа N₁ — союз — N₂, исключение составляет монгольский язык, где конструкция ФЕ является национально-своеобразным аналогом социативной синтагмы — *арьс яс хоер* (*арьс* «шкура, кожа», *яс* — «кость», *хоер* — постпозитивный соединительный член, функционально близкий к сочинительному союзу). ФЕ романских языков являются обычно глагольными фразеологизмами, включающими в качестве структурно организующего компонента глаголы семантики обладания или бытия: франц. *n'avoir que la peau et les os* (букв. «не иметь ничего, кроме кожи и костей»), исп. *tener sólo piel y huesos* (букв. «иметь только кожу и кости»), итал. *essere tutt'ossa* (букв. «быть целиком костями»), рум. *a fi numai piei și oase* (букв. «быть только кожа да кости»), молд. *a fi numai pele și oase* («то же»). При сопоставлении ФЕ русского языка с романскими МФЭ следует отметить совпадение грамматической формы компонента, соответствующего русскому *кости*, во всех языках, однако, специфика грамматической структуры романских ФЕ позволяет говорить только о схождениях третьего типа.

Ассоциативно-образная связь взаимоотношений людей, живущих в постоянной вражде и ссорах, с отношениями таких животных, как кошка и собака, характерна для самых различных языков. Межъязыковые фразеологические эквиваленты русской ФЕ *как кошка с собакой* обычно имеют также структуру сравнительного оборота, причем соответствующие ФЕ в системах разных языков характеризуются семантически тождественным постоянным окружением: обычно глаголы семантики «жить», реже лексемы семантики «договариваться, ладить». На этом фоне весьма своеобразно выглядит образное переосмысление лексем этой семантики («кошка», «собака») в английском языке: *it's raining cats and dogs* «идет проливной дождь» (букв. «идет дождь кошками и собаками»). Перед нами пример межъязыковой фразеологической омонимии (ср.: оригинальный образ семантически идентичной франц. ФЕ не создает омонимии — *il pleut des halberdes*, букв. «идет дождь из алебард»).

Поскольку основой для сравнения в нашей работе являются ФЕ русского языка, отметим некоторые лексико-грамматические характеристики фразеологизма *как кошка с собакой*: 1) компоненты ФЕ являются традиционными в языке гиперонимами (общевидовыми наименованиями данных животных); 2) оба лексических компонента выступают только в форме ед. ч.; 3) порядок компонентов в ФЕ строго фиксирован (*кошка — собака*). Совпадение иноязычных ФЕ с русской по двум первым признакам язы-

ется предпосылкой для схождения первого типа; при этом следует учесть, что грамматический род иноязычного и русского гиперонимов может не совпадать (русск. *собака* — ж. р., франц. *le chien* — м. р.; русск. *кошка* — ж. р., польск. *kot* — м. р.). Совпадение синтаксической конструкции ФЕ (сравнительный оборот) и грамматической формы числа компонентов при ином порядке их следования (*собака — кошка*) рассматривается также как схождение первого типа. Русский и иноязычный фразеологизмы являются по отношению друг к другу межъязыковыми позиционными вариантами.

Схождения первого типа с совпадением порядка следования компонентов: русск. *как кошка с собакой*, укр. *як кішка з собакою*, чешск. *jako kočka a pes*, молд. *ка мица ку кунеле* (букв. «как кошка с собакой»), турецк. *kedile köpek gibi* (букв. «с кошкой собака как», *gibi* — послелог сравнения).

Схождения первого типа с межъязыковыми позиционными вариантами русской ФЕ: болг. *като куче и котка* (букв. «как собака и кошка»), польск. *jak pies z kotem* («то же»), исп. *como el perro y el gato* (букв. «как собака и кошка»), франц. *comme chien et chat* (букв. «как собака и кошка»), рум. *ca cineli cu pisika* (букв. «как собака с кошкой»), нем. *wie Hund und Katze* (букв. «как собака и кошка»), швед. *som hund och katt* («то же»), норв. *som hund og katt* («то же»); в языках генетически и структурно-грамматически неродственных: венг. *kutya-macska barátsgaban élni* (букв. «жить в дружбе собаки и кошки», глагол *élni* «жить» употреблен без переосмысления), индонез. *seperti andjing dengan kutjing* (букв. «как собака с кошкой»), вьетнам. *nhu cho voi meo* (букв. «как собака с кошкой»).

По отношению к русской ФЕ МФЭ итальянского языка характеризуется схождением третьего типа, поскольку названия животных употреблены в составе этого фразеологизма в формах мн. ч.: итал. *come cani e gatti* (букв. «как собаки и кошки») [24].

Рассматриваемый образ свойствен и английской фразеологии, однако в состав соответствующих устойчивых сочетаний входят непереосмысленные глагольные компоненты: *to live a cat-and-dog life* (букв. «жить жизнью кошки и собаки»), *to lead a cat-and-dog life* (букв. «вести жизнь кошки и собаки») [25].

От ФЕ указанных выше языков монгольский семантический эквивалент отличается необычной образностью, в большей мере акцентирующей идею вражды сильного к слабому, чем идею постоянных взаимных ссор и раздоров: *хонь чоно хоёр шиг* (букв. «овца и волк как будто»: *чоно* — «волк», *хонь* — «овца», *хоер* — соединительный послелог, *шиг* — сравнительный послелог).

Сопоставительный структурно-типологический анализ обнаруживает отсутствие полного образно-семантического эквивалента в монгольском языке. Тем не менее нам представляется возможным рассматривать и монгольский фразеологизм как типологически идентичный в сопоставлении с фразеологизмами других языков.

Понятия типологически идентичные фразеологизмы и межъязыковые фразеологические эквиваленты не тождественны, второе из них является только видовым по отношению к первому.

В более широком понимании типологически идентичные фразеологизмы — это ФЕ, семантическая структура которых объединена общей фразообразовательной моделью. Понятие фразообразовательной модели активно разрабатывается в современной фразеологической теории [2, с. 61—77; 11, с. 40—71; 26—29] и является актуальным как для диахронического, так и для синхронного аспектов исследования фразеологии. Семантическому моделированию прежде всего легко поддаются ФЕ с открытой внутренней формой, ярко выраженной образностью [30]. Поскольку с образностью ФЕ связаны их экспрессивно-стилистические, эмоциональные и оценочные возможности, т. е. в конечном итоге факторы, определяющие само существование фразеологизмов в современных языках, постольку теория фразообразовательных моделей становится все более необходимой именно для синхронного описания фразеологических систем этих языков.

Семантическая структура образно мотивированной ФЕ раскрывается из соотношения двух ее смысловых планов; актуального значения фразеологизма и первоначального смысла семантически уже трансформированного словесного комплекса (далее — СК), основанного на взаимодействии лексических значений компонентов этого СК [31]. В смысловой двуплановости фразеологизма находит выражение сам «механизм» формирования целостного переносного значения этой языковой единицы, имеющей не только образную, но и логику-семиотическую мотивированность (выявляется логическая связь между двумя смысловыми планами, аргументирующая семиотическую переориентацию СК: «правая рука» — «первый, основной помощник», поскольку в трудовом процессе наиболее важную роль играет именно правая рука).

Устойчивая однотипность соотношения актуальной и этимологической семантики ФЕ разных языков свидетельствует о типологической общности их семантической структуры, о наличии общей для этих ФЕ фразеобразовательной модели. При этом типологически идентичными являются не только ФЕ, характеризующиеся совпадением конкретно-образной и логику-семиотической форм реализации модели (это и есть МФЭ), но и ФЕ, характеризующиеся только совпадением логику-семиотической формы реализации модели и обладающие национальным или ареальным своеобразием фразеологического образа.

Монгольская ФЕ *хонь чоно хоёр шиг* объединяется с ФЕ других языков (русс. *как кошка с собакой*, нем. *wie Hund und Katze* и др.) типологически общей фразеобразовательной моделью «как животные, которые никогда не могут существовать в мире друг с другом» → «в постоянной взаимной вражде, ссорах, распри», но имеет национально-своеобразную форму образной реализации этой модели («как волк с овцой»).

При выявлении типологически идентичных ФЕ нужно, таким образом, учитывать две основные формы их проявления: 1) общность фразеобразовательной модели при совпадении логику-семиотической и конкретно-образной форм ее реализации в разных языках; 2) общность фразеобразовательной модели при совпадении только логику-семиотической формы ее реализации (фразеологический образ имеет национальное или ареальное своеобразие). При конструировании ряда типологически идентичных ФЕ (типологического ряда) в его состав могут войти ФЕ обоих указанных выше типов.

Широкое распространение во фразеологических системах различных языков имеет фразеобразовательная модель, на основе которой находит своеобразное выражение идея полного сходства, абсолютного подобия двух человек. Рассмотрим некоторые примеры с учетом типологической близости фразеологических образов: 1) «как две капли воды» — русск. *как две капли воды*, укр. *як дві краплі (каплі) води*, польск. *jak dwie kropelki wody*, болг. *като две капли воды*, франц. *comme deux gouttes d'eau*, итал. *come due gocce d'acqua*, исп. *como dos gotas de agua*, рум. *ca două picături de apă*, молд. *ка доуэ пикэтурь де апэ*, норв. *som to dråper vann*, датск. *som to dråber vand*; 2) «как одно яйцо на другое (похожи)»; нем. *wie ein Ei dem anderen*, чешск. *jako vejce vejci*, венг. *mint egyik tojás a másikra*, букв. перевод индонез. ФЕ «как два яйца от одной курицы» [8, с. 50]; 3) «как две горошины»: англ. *as two peas*; 4) «как две ягоды»: швед. *som två bär*; 5) «как две половинки одного плода»: индонез. *seperti pinang dibelah dua* (букв. «как две половинки разрезанного плода пальмы») [8, с. 50].

Как показывает материал, значительное сходство внутренней формы ФЕ может характеризовать как родственные (1), так и совершенно неродственные, но тесно контактирующие языки (2), а иногда и неконтактирующие (индонезийский по отношению к чешскому, немецкому, венгерскому). Общность фразеобразовательной модели не исключает национального своеобразия внутренней формы (3, 4, 5).

Между типологически идентичными ФЕ двух разновидностей: (1) общность модели при совпадении образной и логику-семиотической форм ее реализации; 2) общность модели при совпадении только логику-семи-

тических форм ее реализации) — имеются, безусловно, и переходные явления, характеризующиеся различной степенью сходства фразеологического образа. Так, модель «носить (набирать) воду с помощью вместилища, имеющего отверстие» → «заниматься совершенно бесполезным делом, напрасно тратить время» представлена в различных языках столь близкими по образности фразеологизмами, что здесь можно было бы говорить о совпадении на уровне МФЭ, если бы у некоторых народов представление о таком вместилище не было связано с чисто национальными реалиями.

Для большинства европейских и некоторых азиатских народов такое вместилище — решето (русск. ФЕ *носить воду решетом* имеет МФЭ в других славянских, германских, румынском и молдавском, венгерском, турецком, узбекском языках), но в некоторых даже европейских языках имеются своеобразные отклонения: итал. *portar l'acqua nel paniere* (букв. «носить воду в корзине»), исп. *coger (llevar) agua en una canasta* (букв. «брать, носить воду в корзине из тростника»); одна из китайских недоворок «носить воду в бамбуковой корзине» → «напрасно» построена также на очень сходном и вместе с тем национально своеобразном образе [32, с. 114].

Оценивая на основании приведенных выше данных случаи образно-семантического совпадения ФЕ самых различных языков как факт вполне реальный и как одно из проявлений типологической идентичности фразеологизмов, следует еще раз подчеркнуть, что никакой строгой предопределенности в постоянстве таких совпадений не существует, о чем достаточно красноречиво свидетельствуют различные конкретно-образные формы реализации одной фразеобразовательной модели (другая форма проявления типологической идентичности ФЕ), факты семантической эквивалентности ФЕ разных языков, не объединенных общей фразеобразовательной моделью [ср. русск. *седьмая вода на киселе*, но венг. *Ádámról — Éváról rokon* (букв. «родственник по Адаму и Еве» — «очень дальнее и сомнительное родство», «дальний родственник»), факты образной неповторимости, уникальности отдельных ФЕ разных языков [русск. *отставной козы барабанищик* «человек, не заслуживающий никакого внимания, такой, с которым не считаются», франц. *un pot sans anses* (букв. «горшок без ручек» «человек с тяжелым характером, к которому трудно найти подход»), факты межъязыковой фразеологической омонимии.

Исследование поставленных проблем позволяет сделать выводы.

1) Гипотеза о существовании идентичных ФЕ во фразеологических системах различных по своим генетическим и культурно-историческим связям языков может считаться доказанной. Типологическая идентичность ФЕ опирается на общность фразеобразовательной модели, которая проявляется в различных языках в совпадении только логико-семиотических или логико-семиотических и конкретно-образных форм реализации. При совпадении первого типа (общность логико-семиотической модели) фразеологические образы сохраняют свое национальное или ареальное своеобразие.

2) Типологическая идентичность ФЕ различных языков — прежде всего следствие общности логических и образно-ассоциативных процессов мышления разных народов, а также результат культурно-исторических контактов между ними. Особенности же лексико-семантической и грамматической системы каждого конкретного языка находят свое отражение в различных формах и типах схождения идентичных ФЕ (в том числе и МФЭ, имеющих также свою типологию).

3) При совпадении образности в особенностях лексической и структурно-грамматической организации ФЕ близкородственных языков обнаруживается больше схождений, чем в лексической и структурно-грамматической организации ФЕ неродственных языков, однако сам факт совпадения образности может объединять не только неродственные контактирующие, но и неродственные неконтактирующие языки.

4) Семантическая и образная тождественность ФЕ различных, в том числе и разноструктурных, языков не нарушается за счет некоторой национальной специфики лексической и структурно-грамматической организации этих ФЕ: компоненты совпадающих по семантике и образ-

ности ФЕ могут быть выражены лексемами различной степени семантической дифференциации. В отношении образно-семантической эквивалентности могут вступать ФЕ именного и глагольного типов, если в качестве структурно образующих компонентов ФЕ глагольного типа выступают десемантизированные связочные глаголы (например, франц. *être*, шведск. *vaga* и т. д.) или глаголы семантики обладания («иметь»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ройзензон Л. И., Авалиани Ю. Ю. Современные аспекты изучения фразеологии. — В кн.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967.
2. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
3. Stepanova M. D., Černyševa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. М., 1975, S. 241.
4. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1979, с. 33.
5. Чернышева И. И. Актуальные проблемы фразеологии. — ВЯ, 1977, № 5.
6. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972, с. 201.
7. Чыонг Донг Сан. Фразеологические обороты в русском языке и способы их передачи на вьетнамский язык: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1972.
8. Агус Салим. Сопоставительный анализ русской и индонезийской фразеологии: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1974.
9. Makai A. Idiomaticity as a language universal. — In: Universals of human language. V. 3: Word structure. Stanford, 1978.
10. Кондрашов Н. А. Проблемы сравнительного изучения славянской фразеологии. — Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, 1966, вып. XI, т. 160, с. 354—362.
11. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1980.
12. Свешникова Г. С. Типологический анализ фразеологических единиц с компонентами-прилагательными, обозначающими цвет (на материале немецкого, английского и шведского языков): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1969.
13. Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972.
14. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977, с. 262—265.
15. Кандаваки К. Л. Английские метафорические идиомы и их грузинские эквиваленты: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Тбилиси, 1956.
16. Парзикулов А. Французская фразеология и вопросы французо-узбекского художественного перевода: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Ташкент—Ленинград, 1965.
17. Умарходжаев М. К вопросу об учебной фразеографии. — Fremdsprachen, 1979, № 2, S. 97.
18. Доржийн Д. Сопоставительное исследование фразеологии в русском и монгольском языках (на материале переводов М. Горького на монгольский язык): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Улан-Батор — Москва, 1973.
19. Долгополов Ю. А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков): Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Казань, 1973, с. 77.
20. Grosowski B., Coulon Ph. Quelques aspects de la phraséologie comparée. — Fremdsprachen, 1978, № 2, p. 126.
21. Акуленко В. В. Лексические интернационализмы и методы их изучения. — ВЯ, 1976, № 6, с. 61.
22. Попович Р. И. Соотношение фразеологии французского, молдавского и русского языков: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Кишинев, 1967.
23. Бархударов Л. С. К вопросу о типах межязыковых лексических соответствий (на материале английского и русского языков). — Ин. яз. в шк., 1980, № 5, с. 12—14.
24. Battaglia S. Grande dizionario della lingua italiana. V. II. — Torino, 1962, p. 625.
25. Borkowski P. The great Russian-English dictionary of idioms and set expressions. London, 1973, p. 145.
26. Мокиенко В. М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? — ВЯ, 1973, № 2.
27. Мокиенко В. М. Противоречия фразеологии и ее динамика: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1976.
28. Гаверин С. Г. Проблемы функционирования и развития фразеологического фонда русского языка в связи с общими вопросами теории фразеологии (на материале фразеологии 2-ой половины XIX и XX вв.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1973.
29. Солондуб Ю. И. Изосемантические модели фразеологии качественной оценки лица. — ФН, 1979, № 4.
30. Mokijenko V. Aktualizace ve frazéologii. — Československá rusistika, 1977, ročn. XXII, № 5, s. 201—205.
31. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978, с. 18.
32. Прядохин М. Г. Китайские недоговорки-иносказания. М., 1977, с. 6—15.